

Глава 1. ПРЕАМБУЛА

Первый опыт политической борьбы

Родившись 28 февраля (а на самом деле 29 февраля, но мама упростила врачей пойти на невинный подлог) 1952 года и являясь представителем предпоследнего «совкового»¹ поколения, я получил возможность говорить о том, что «пожил при Сталине» и «до водородной бомбы».

Так что первую мою годовщину в семье праздновали в тот день, когда 28 февраля 1953 года Сталин со своей свитой последний раз тоже сел за трапезу, от которой уже не оправился, а наоборот — отправился... К праотцам. В тот же день Уотсон и Крик открыли структуру ДНК — знаменитую двойную спираль.

Про водородную бомбу вспомнил не случайно. Я появился на свет в том же здании на углу улицы Еланского (до большевиков — Клинической) и Большой Пироговской (Большой Царицынской), где за 31 год до меня родился «отец водородной бомбы» академик Андрей Сахаров, один из величайших людей, с которыми мне довелось общаться и о котором в этой книге речь будет идти не раз.

Москва моего детства — город каменных громад и деревенских домов, бараков. Такой была и наша Кропоткинская улица (сейчас — Пречистенка). Город, враз заполнившийся странными людьми, про которых я слышал, что «они — оттуда», — худыми, жесткими. Город чистого воздуха и красивых парадов, гнилой картошки и

¹ «Совком» назывался тип человека, выросшего в коммунистическо-советской тирании. Неприязнательного конформиста, соглашателя, без чувства личной ответственности, транслированной начальству, партии, государству. Гордящегося своей страной, не способной толком никого прокормить, но способной всех разбомбить. Первым послесоветским поколением были родившиеся в 1970–1975 годах. Еще раньше от совковости в некоторой степени избавилась интеллигенция крупных городов 1950–1955 годов рождения, в которой сформировался своеобразный уклад «критического конформизма».

бесконечных очередей. Город — огромная стройка. В футбол можно было играть во дворе нашего дома 34/18 и на улице. А по крику: «Машина идет» — отскакивать на тротуар, чтобы пропустить очередной грузовик на газу или лимузин. Обилие посольств вокруг (Австралии, Италии, Финляндии) позволяло в дни приемов полюбоваться сказочно красивыми машинами из совсем другого «оттуда»: Buick, Pontiac. Сколько себя помню, были перебои с продуктами. В магазинах продавали грязную, подгнившую картошку и капусту. Иногда, как правило, по записи — колбасу, макароны и крупы. Сыр и мясо не продавали — «выбрасывали», чтобы в рукопашной схватке покупатели могли определить, кому из счастливцев «дефицит» достанется. А если уж продавали, то с криками «больше килограмма/штуки в одни руки не давать». В выходные дни магазины заполняли приезжие из ближайших к Москве областей, где с едой положение было совсем уж скверным.

Продавщицы, исполненные собственного величия, говорили: «Вас много, а я одна». И из этого следовало, что продавец/поставщик важнее потребителя — в полном противоречии с логикой и рыночной системы, и международных экономических отношений. Психология, прочно въевшаяся в сознание моего и старшего поколений. Многие современные политики до сих пор считают, что поставщик важнее покупателя, что энергетической сверхдержавой является Россия, энергоресурсы продающая, а, например, не Германия, их сверхэффективно сверхпотребляющая.

Но одновременно Москва тех лет — город бесплатных кружков и секций на все вкусы, город, где родители не боялись отпустить детей одних погулять на улице, город дружелюбного отношения людей друг к другу независимо от национальности. Пожалуй, только к евреям существовало скрываемое недоброжелательство, культивирувавшееся сверху, что было обусловлено в основном борьбой евреев за право свободного выезда из СССР на «историческую родину», в Израиль, а точнее говоря — на бегство от «соцдействительности», социалистической практики советского образца. Выезд из СССР за рубеж был почти недоступен, чтобы у советских людей не было возможности сравнивать нищету «развитого социализма» с изобилием «загнивающего Запада» — такими были основные клише пропагандистской машины, подчиненной, как и все остальное, власти коммунистической бюрократии.

Что там говорить, сами вожди режима систему социализма называли социалистическим лагерем, не видя прямой аналогии с Главным управлением лагерей, ГУЛАГом.

Но были и сумасшедшая радость, и ликование 12 апреля 1961 года — Гагарин полетел в космос!!!

К тому же времени относится и мой первый, правда, тогда еще не осознанный политический опыт.

Авторучек (ни перьевых, ни уж, тем паче заграничных шариковых) тогда ни у кого из школьников не было (как и многого другого в СССР, слово «дефицит» — обиходное), в каждой парте круглые углубления, куда вставлялись чернильницы-непроливайки. Чернила почему-то всегда расплзались по бумаге жирными кляксами, за что нам изрядно доставалось. Мой дед, Евгений Петрович Савостьянов, был человеком исключительно аккуратным и опрятным (чувствовалась еще добольшевиcтская закваска выпускника Московского коммерческого института). Он нашел где-то источник чернил качественных, на бумаге не расплывавшихся, и заботливо заправлял ими для меня отдельный пузырек. Это вызывало насмешки одноклассников.

Как-то, выйдя из школы, я увидел, что у ограды одного из зданий, расположенных в переулке Островского (сейчас — Пречистенский), происходит что-то непонятное: толпа дяденек и тетенок, выкрикивая нехорошие, хоть и не матерные (разницу я к тому моменту понимал, и матерщинник был отменный, за что схлопотал от деда оплеуху) слова, кидает в стены яйца, помидоры и прочую снедь. Я понял, что мой час настал, вытащил из ранца злосчастный пузырек и с наслаждением разбил его о стену.

Дома поделился с дедом впечатлениями и узнал, что это советская общественность по команде демонстрирует свой протест властям Ирака в связи с преследованием курдов. Честно говоря, за давностью лет и несознательностью возраста утверждать, что в той толпе курды преобладали или вообще присутствовали, не могу.

Прошли десятилетия, и как-то в разговоре с Еленой Георгиевной Боннэр, женой великого нашего гражданина Андрея Дмитриевича Сахарова, я узнал, что в то самое время она работала в посольстве СССР в Ираке и врачевала (в годы Отечественной войны она была фронтовой медсестрой) раны одного из лидеров Иракского Курдистана, чуть ли не самого Мустафы Барзани. Посмеялись: вот ведь когда, оказывается, завязался узелок будущего нашего знакомства.

Дар драгоценный, странный, редкий –
В случайных встречах
Видеть знак судьбы.

Следующие мои, уже вполне сознательные политические акции пришлось на старшие классы.

25–31–41–49, а также 9,5 и 19

Для огромного большинства людей, вступивших в сознательную жизнь во второй половине 80-х годов XX века, эти числа равным счетом ни о чем не говорят. И предложи участникам какой-нибудь интеллектуальной телеигры разгадать их смысл, фиаско будет неминуемым.

А ведь с начала 60-х до середины 80-х годов коротковолновые радиоприемники, принимавшие радиопередачи «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Немецкой волны» и «Радио Свобода» в коротковолновых диапазонах 25–31–41 и 49 метров, и катушечные магнитофоны, крутившие песни бардов — Александра Галича, Владимира Высоцкого, Юлия Кима, Булата Окуджавы на скорости 9,5 и 19 сантиметров в секунду, были для немалой части граждан СССР связью с инакомыслием.

Пока еще трудно передать атмосферу несвободы, в которой мы жили в тот период, хотя после 24 февраля 2022 г. это понять все легче.

Власть в стране была в руках КПСС — Коммунистической партии Советского Союза. Она сама продлевала свои полномочия, сама формировала все структуры власти, сама объявляла себя умом, честью и совестью эпохи, сама объявляла о величии собственных — как правило, иллюзорных — побед.

Любое даже не противодействие, а лишь самое скромное, но публично высказанное сомнение в непогрешимости этих партийных установок, проявление уважения к иным, отличным от декларированных КПСС ценностям бросало на человека тень подозрения. Нельзя требовать, просить — можно только попросить. Нельзя настырно стоять на своем — это пойдет только во вред. «Тебе больше всех надо?», «Ты что, не как все?», «Какой-то ты не наш» — стандартные упреки, за которыми могли последовать и вполне ощутимые неприятности вплоть до тюрьмы и психбольницы.

С одинаковым рвением преследовались и церковь (кроме высших ее иерархов, прошедших отбор и часто — вербовку комитетом госбезопасности (КГБ), и западная эстрадная музыка. Цензура свирепствовала во всем: в литературе, живописи, науке. При этом народное хозяйство летело в пропасть, нарастало технологическое отставание Советского Союза, народ питался скудно, неполноценно, страна оказалась в глубочайшей международной изоляции.

Но на открытый протест хватало мужества у немногих. Андрей Сахаров и Елена Боннэр, Сергей Ковалев и Александр Подрабинек, Юлий Даниэль и Владимир Буковский, их соратники, единомышленники были либо поводом для скрытой зависти их мужеству, либо предметом филистерского отмежевания. Народ же безмолвствовал...

На примере нашей семьи, где я соприкасался с инженерами ракетостроительных организаций Королева и Челомея, знаю, что у военно-технической интеллигенции верноподданничество было не в чести. Люди так плотно соприкасались с реальной жизнью, что иллюзий по поводу моральных основ режима и его перспектив у них не было. С другой стороны, естественная тяга к решению сложных и даже величественных организационных и инженерных задач плюс возможность получать относительно большие материальные блага требовали закрывать глаза на экзистенциальный вопрос: на кого мы работаем. Так что для этой среды был типичен, скорее, веселый и относительно добродушный цинизм мировоззрений.

Повсюду публичное смирение причудливым образом сочеталось с ростом кухонного диссидентства, когда в узком кругу знакомых люди всё более откровенно говорили о мерзостях режима. Передачи западных радиостанций не только давали информационную подпитку этим настроениям, но и помогали преодолеть ощущение изолированности: с каждой передачей крепло чувство уверенности, что неприятие коммунистического режима — норма для разумного человека. Что человек не может быть одновременно умным, честным и членом компартии — хотя бы один из этих трех показателей обязательно отсутствует. Что безобразия этого режима имеют не локальный, но всеобщий характер.

Магнитофонные записи решали ту же задачу, но языком пещен Александра Галича, Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы,

Юлия Кима. Она, эта песня, глумилась над фальшью официозных лозунгов и норм, превращала абсурд коммунистических установок в комический гротеск, позволяла открыто или эзоповым языком говорить о самых страшных сторонах коммунистической диктатуры.

В нашем доме окна в свободный мир распахнулись с появлением магнитолы «Днипро» примерно в 1964 году. Этот бегемот размером в добрую половину письменного стола и весом килограммов в 25 умел принимать упомянутые выше радиостанции и крутить огромные (с длиной пленки до 500 метров) кассеты с магнитозаписями. Прослушивание радиопередач из-за рубежа стало для меня не только привычным времяпрепровождением, но и своеобразным видом спорта. Передачи беспощадно глушились: по всей стране были развернуты специальные станции, единственной задачей которых было подавление западного радиовещания душераздирающим воем на тех же частотах вещания — такое вот «соревнование идеологий». Но при правильном подключении антенны всегда удавалось прослушивать на фоне воя и полезный сигнал. Так что ползание вдоль стен квартиры с проводом-антенной, залезание с ним на стол и под стол под завывание «глушилок», чтобы добиться оптимального соотношения «сигнал — шум» было непременно атрибутом столичного радиообщения с «за бугром» (так тогда называли страны, не оккупированные Советским Союзом).

Слушать было тем проще, чем дальше от крупных промышленных центров ты находился. Когда в студенческие годы нас посылали в подмосковные совхозы (сельскохозяйственные предприятия коммунистического типа) убирать урожай, прослушивание вражьих голосов проблемы не составляло. Тут уж помогал достаточно портативный радиоприемник «Спидола» рижского завода ВЭФ размером с толстый том формата А4.

Еще курьезней складывалась в этом плане жизнь в далекой провинции. В 1972 году я вместе с несколькими сокурсниками из Московского горного института завербовался мыть золото на Чукотку. Одно из первых ярких впечатлений от жизни прииска: в столовой сидят и обедают отец с сыном, а радиоприемник, который стоит у них на столе, транслирует «Голос Америки». Позднее в местной радиорубке я прочел приказ по районному узлу связи. В приказе речь шла о том, что радист какого-то поселка включил в местную радиосеть передачи того же «Голоса Америки»,

указывалось на недопустимость подобных действий и щедро раздавались взыскания. От больших бед виновных спасло, видимо, лишь то, что дальше Чукотки засылать их всё равно было некуда.

В самом начале 1968 года нам объявили, что мы, учащиеся 9-х классов 29-й английской спецшколы, едем «по обмену» на летние каникулы в Прагу, в семьи, дети которых приедут в Москву жить в наших семьях. Как я уже говорил, в те годы выехать за рубеж было практически невозможно и получить предложение и шанс такого рода значило вытащить счастливый лотерейный билет.

В то время народ Чехословакии и даже лидеры ее компартии встали на путь расставания с советской моделью социалистического развития и шаг за шагом, в мягкой, ненасильственной форме пытались уйти от коммунистического абсурда (в пятидесятые годы в жесткой, кровавой форме это пытались сделать другие страны, захваченные после Второй мировой войны Советским Союзом — Восточная Германия и Венгрия). Руководство Советского Союза не знало, как поступить в обстановке, когда по его же инициативе было начато смягчение отношений с Западом — так называемый Хельсинский процесс, а руководство КПСС во главе с энергичным тогда генсеком Леонидом Брежневым было еще более-менее открыто к поиску новых путей развития для тормозящейся экономики страны.

Мой анализ событий привел к безрадостной оценке перспектив и поэтому...

... Дети наших двух классов бегали, собирая многочисленные справки и разрешения (по месту жительства, по месту работы родителей, заключения комиссий о благонадежности и т. п.), обменивались горячими новостями, кто и что успел. И только я ходил, засунув руки в карманы, не принимая участия в суете. Ребята заметили и потребовали объяснений: почему я «выпадаю из коллектива». «Потому, что вы все дураки, — ответил я. — Потому что летом наши танки будут в Праге, и вы никуда не поедете». Тут же кто-то меня «заложил». Состоялось неприятное объяснение с директором школы Тепловой и партгором школы Кудрявцевой — с посыпанием головы пеплом: мол, проявил несознательность, ляпнул что-то не то. Но, однако, справки собирать все же не начал. В августе мы

с родителями поехали на Украину и там, в гоголевской Диканьке, услышали новость: советские войска вошли в Чехословакию. Занавес? Ничуть не бывало. 1 сентября «мне за декламации мои рукоплескали»¹ мои так и не поехавшие в Прагу одноклассники. А через несколько дней в школе проходило отчетно-выборное комсомольское собрание (комсомол, ВЛКСМ, Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи — школа выращивания беспринципных карьеристов и потому позднее — успешных олигархов). Решался вопрос о составе нового школьного комитета комсомола, и кто-то предложил мою кандидатуру. Я встал и сказал, что у меня самоотвод, но тут все закричали, что я — «великий политик» и... дружно за меня проголосовали. После собрания меня подошла поздравить биологиня и парторг, милейшая Валентина Ивановна Кудрявцева.

— Евгений, надеюсь, ты понимаешь, какая ответственность теперь на тебе лежит? — спросила она.

— Конечно, — ответил я, — я и в комсомоле-то вашем не состою, а вы меня в комитет избрали.

— Как не состоишь?!

— Я же говорил, что у меня самоотвод, а меня слушать не стали.

В общем, скандал мог выйти грандиозный, но, спасая учителей и, не скрою, собственное благополучие, я согласился вступить в комсомол. Самое яркое впечатление — вызовы с уроков, когда какой-нибудь пятиклашка всовывал голову в класс и звонко кричал: «Савостьянов — к директору!» Я шел к директору Тепловой, мы садились в черную «Волгу» (престижный в СССР автомобиль), которую она вызывала как член Московского горкома партии, и ехали на заседания каких-нибудь идиотских комсомольских комиссий.

Концовка была болезненной. Войдя в класс на выпускной экзамен по «Истории и обществоведению», увидел радостно улыбающуюся Теплову. «Ну, Савостьянов, теперь мы с тобой посчитаемся», — пообещала она. Гоняли меня она и два преподавателя по очереди больше двух часов. Но «пятерку» я все же получил.

Память о моем пребывании в школьных стенах осталась едва ли не навсегда, вполне материальная. Как-то, выгнанные с уроков за потасовку, мы с одноклассником Ромкой Ионовым в школьном

¹ Аврелий Августин. Исповедь.

коридоре остановились перед пушкой калибра 76 миллиметров, установленной на втором этаже — в память о погибших курсантах артиллерийского училища, которое до Великой Отечественной войны находилось в этом здании. «Доедет ли это колесо?...», видимо, относится к числу фундаментальных проблем, беспокоящих русского человека. В общем, два дюжих недоросля подняли лафет пушки и аккуратно покатали ее вдоль коридора. Разогнались и удерживать массивное орудие не смогли. Лафет прободал стену, учителя и ученики выскочили на грохот из кабинетов и классов... Родителей, понятно, вызвали в школу, требовали деньги на ремонт, а нам дали ножовку и велели отпилить лафет, дабы такие же олухи не повторили наших деяний. Кто попадет в школу на Пречистенке, дом 8, посмотрите: там и сейчас стоит пушка с кургузым лафетом.

Будучи гуманитарием по наклонностям, я запретил себе поступать в гуманитарный вуз, дабы не заниматься осознанной интеллектуальной проституцией: в гуманитарных науках всецело правила бал генеральная линия компартии и занимать иную позицию было попросту невозможно. Посему сосредоточился на физике, мечтая заняться астрофизикой. Но сосредоточился, видимо, плохо, потому что на вступительных экзаменах в МГУ недобрал полбалла и отправился зализывать моральные раны в Московский горный институт (МГИ).

Вот так неизвестные мне силы приняли за меня решение: вместо *ad astra* получилось *de profundis*¹.

Много лет спустя, глядя на величественное здание Московского университета, я размышлял, как сложилась бы моя судьба, если бы не те злополучные полбалла. Поначалу был уверен, что все сложилось бы совершенно иначе, но с годами пришел к мысли, что волны жизни вынесли бы на тот же берег. Так же мотался бы по командировкам, так же примкнул бы к демократическому движению и т. д. Похоже, О. Генри прав: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». Так ручеек извилистый крутится, как может, и предугадать направление его движения вроде бы нельзя. Но если уж суждено ему было родиться в бассейне Волги, кончится все в Каспийском море...

¹ *Ad astra* (лат.) — к звездам. *De profundis* (лат.) — из бездн, из глубин.